

Небывалый флаг выдуманного пирата

Второй том «Всеобщей Истории Пиратов» (Лондон, 1728) открывался очерком о «капитане Миссоне», французском офицере, якобы учредившем на Мадагаскаре утопическую пиратскую республику Либерталию. Рассказ, который однозначно расценивается сейчас как одна из литературных вставок в повествование о существовавших в действительности разбойничьих вожжах, отличается рядом подробностей, причем иные явно ему вредят – как, например, попытка записать в соратники Миссону действительно существовавшего капитана Т. Тью, чья смерть в бою не позднее декабря 1695 г. документально зафиксирована, хотя начало пиратских походов Миссона автор точно датирует 1707 г. Тем не менее обаяние «Либерталии» оказывается настолько сильным, что даже серьезные исследования подчас пытаются отождествить ее с пиратскими базами на Мадагаскаре или близлежащих островах.

Одной из подробностей является и описание выбора пиратского флага (ensign). Вопреки совету боцмана, рекомендовавшего черный, «как наиболее устрашающий», после увещаний помощника Миссона, монаха-расстриги Карачиоли, горячо убеждавшего слушателей не считать себя пиратами (но «если весь свет воюет против нас, то и мы должны атаковать, а не только защищаться»), был принят новоизобретенный вариант флага: «A white Ensign, with Liberty painted in the Fly, and if you like the Motto, A Deo a Libertate, For God and Liberty». Надо заметить, что пересказ этого фрагмента обычно сопровождается значительными упрощениями: «a white flag with the motto “For God and Liberty”», без упоминания «нарисованной Свободы», – и если в советское время вариант «флаг, придуманный Карачиоли, был необычным: белый, с надписью “За Бога и свободу”» (с «идеологически верным» комментарием: «Молодые утописты создавали, что именно в такой форме – в виде исполнения божественного предначертания – их стихийный коммунизм будет понятнее рядовым пиратам») был явным следствием незнания первоисточника, то почему ссылкой на правильную страницу его аутентичного издания сегодня снабжается фраза «белый флаг с надписью “За Бо-

га и свободу” впервые взвился над французским кораблем “Виктуар”...», – объяснить трудно.

Возможно, впрочем, что сложности перевода и даже осмысления текста англоязычными авторами происходят от непонимания выражения «in the Fly» и преодолеваются не менее простым способом – игнорированием его. Само же выражение относится к специальной флажной терминологии и обозначает часть полотнища, удаленную от древка; таким образом, рисунок на «флаге Миссона – Карачиоли» располагался несимметрично. Из буквального прочтения источника не следует также, что пиратами был принят девиз («if you like» как будто придает оттенок предположительности). Другим примером того, как домыслы могут вступать в противоречие с буквой источника, является утверждение одного из историков, что девиз был вышит (embroidered) на полотнище, в то время как «Всеобщая История» говорит о нарисованном красками изображении, и правдоподобнее предположить, что и девиз написали бы кисточкой.

Символика белого цвета достаточно исчерпывающе раскрывается в перечне достоинств, которые связывает с ним автор: смелость, справедливость, благородство, невинность (неиспорченность), решимость и честность, а девиз заставляет провести очевидную параллель с разбойниками Балтийского и Северного морей XIV в., гордо называвшими себя «друзьями Бога и врагами всего света», хотя трудно предположить, чтобы легенды о них были на слуху у французских моряков три столетия спустя.

Но идентифицирующая функция флага тех, кто противопоставил себя всему свету, вряд ли достигалась, поскольку сам флаг было слишком легко перепутать с каким-либо из уже существовавших (различные варианты английского, французского, испанского, португальского... – все с преобладанием белого цвета). А потому дополнительная фигура на «флаге Либерталии» оказывалась вовсе не лишней, и чем более броско она была бы нарисована, тем было бы лучше.

Но тут-то и кроется главная загадка, ибо «нарисовать Свободу» было совсем не трудно в конце XVIII в., но в его начале задача эта представляется далеко не столь очевидной. В Древнем Риме существовала персонификация «Свободы государства» или «Свободы республики» в виде женской фигуры, атрибутами которой могли быть фригийская шапка, лавровая ветвь, скипетр, трон. Но с течением веков она сходит со сцены, и даже в эпоху многочисленных и порой переусложненных аллегорий, эмблем и персонификаций образ Свободы уже не популярен. Возможно, это связано с неопреде-

ленностью самого понятия: свобода – не моральная категория, не стихия, не чувство, не сохранилась она в культурной памяти и в составе пантеона языческих божеств. Характерно, что в таком обширном своде, как знаменитые «Символы и эмблемата» (первое издание – 1705 г.), на 840 эмблем понятие свободы возникает лишь трижды и с довольно неожиданными изобразительными воплощениями: «башня на море» (девиз «Свободна и безопасна» – англ. «Free and frank»), «конь бегущий» («Вольность со страхом» – «Liberty but with fear») и... «попугай в клетке», сопровождаемый девизами «Лучше быть вольным. Свобода лучше золотой клетки» («Nothing better than liberty»). Конечно, пытливый ум и художественное воображение могли изобрести фигуру или композицию, которая в глазах ее автора олицетворяла бы Свободу, но при этом немедленно возникла бы необходимость объяснять зрителям, начиная с команды собственного корабля, что же эта фигура или композиция, собственно, должна означать.

Лет через шестьдесят после выхода в свет «Всеобщей Истории Пиратов», в революционную эпоху, такого объяснения не потребовалось бы, но в первой четверти XVIII в. выбор для «флага Либерталии» «нарисованной Свободы», относясь к области сравнительно ограниченной «книжной культуры», может рассматриваться как один из дополнительных аргументов в пользу «литературного» характера всей истории о пиратской Утопии.